

Кожевников Василий Егорович

**Рассказ бывшего старообрядца о
своем обращении из раскола в
православие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Егорович К.**
Рассказ бывшего старообрядца о своем обращении из раскола в православие / Кожевников
Василий Егорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-89607-8

ISBN 978-5-519-89607-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Кто же ваши заводскіе живутъ въ монастырѣ? спросилъ я.

— «Иванъ Сорокинъ, теперь его зовутъ Иракліемъ,¹⁾ инокъ очень хорошій, въ писаніи свѣдущій, живетъ онъ въ Покровскомъ монастырѣ (черниг. губ.), а прежде живалъ въ Турціи, и прочихъ мѣстахъ за границей».

Черезъ нѣсколько времени пришлось мнѣ видѣть у Веселева этого Ираклія и слушать ихъ бесѣду. Веселевъ нарочито для меня сталъ спрашивать Ираклія о монашескомъ житіи его. Ираклій говорилъ: «по сказанію Іоанна Златоуста всюду есть зло безначаліе: такъ у насъ въ монастыряхъ власти нѣтъ, и отъ того все плохо». Тогда Веселевъ сказалъ мнѣ: «живи, другъ, дома, да занимайся получше своимъ хозяйствомъ; читай поприлежнѣе книги, бери ихъ у меня, и на службу ходи къ намъ сюда почаще». Ираклій подтвердилъ слова Веселева, и по такому ихъ совѣту я рѣшился остаться въ міру.

Веселевъ однакоже казался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ наставникомъ. Не нравилось мнѣ то, что въ часовнѣ, гдѣ онъ правилъ уставомъ, правымъ клиросомъ правили мужчины, а лѣвымъ дѣвицы; Евангеліе читалъ уставщикъ, а Апостоль читала дѣвка. Еще случилось мнѣ замѣчать, что нѣкоторые, отстоявши утреню въ часовнѣ, идутъ къ обѣднѣ въ церковь. Я сказалъ Веселеву: «что же ты слабо ведешь свой порядокъ, допускаешь своимъ часовеннымъ ходить въ еретическую церковь? Ты знаешь, что въ Соловецкой челобитной писано,—какая тамъ вѣра? Надо всею силою удерживать себя отъ церкви». Веселевъ мнѣ отвѣчалъ: «Челобитной вполнѣ вѣрить нельзя, въ ней о церкви много неправды написано. Въ церкви измѣнены только нѣкоторые обряды, а вѣра таже:

¹⁾ Этотъ Ираклій, познавъ заблужденіе старообрядчества, въ Соловецкомъ монастырѣ присоединился къ православной церкви (Духов. Бесѣда 1864 г. № 39).

и церковные вѣруютъ во св. Троицу и воплощеніе Бога-Слова приѣмлютъ». Тогда мнѣ показалось, что Веселевъ слабо и не вѣрно судить. Думаю себѣ: какъ же у насъ и во всемъ Полотняномъ-Заводѣ говорятъ, что противъ Ивана Андреича не скоро найдешь такого человѣка, свѣдущаго въ писаніи; а онъ судить не такъ, какъ другіе старообрядцы, особенно о церкви! Всѣ старообрядцы говорятъ, что въ церкви вѣра другая, а онъ говоритъ, что таже, только обряды другіе. Вскорѣ я совсѣмъ отклонился отъ Веселева. Привезъ онъ изъ Москвы для своей часовни новыя Тріоды, напечатанныя при единовѣрческой церкви. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ купилъ книги такой печати? Онъ отвѣтилъ, что книги эти во всемъ согласны съ іосифовскими и съ нихъ перепечатаны безъ всякаго поврежденія.

— «А зачѣмъ же въ выходѣ на послѣднихъ листахъ царя благочестивымъ называютъ?» — спросилъ я.

Веселевъ отвѣтилъ: «Я выходъ прибралъ, — листы эти выдралъ; а то и у насъ многіе стали этимъ соблазняться. А книгами этими пренебрегать не слѣдуетъ».

— «По твоему, стало быть, и благословенною единовѣрческою церковію не падо гнушаться?» замѣтилъ я.

Онъ долго молчалъ, поглядѣлъ на меня и сказалъ: «а что ты думаешь? — единовѣрческою церковію и вправду нельзя пренебрегать: тамъ служба вся настоящая, идетъ по старому».

Я еще спросилъ: «а какой архіерей посвящалъ тамошнихъ поповъ и отколѣ тамъ мѣро?»

Тогда Веселевъ сказалъ мнѣ: «Василій! ты еще молодъ; будь попроще, дѣло будетъ лучше; не горячо поступай противъ церкви, а то ошибешься. И великороссійская-то церковь, хотя имѣетъ перемѣны въ обрядахъ, а св. отцами или соборомъ какимъ не осуждена».

Съ этого времени я полно ходить къ Веселеву въ часовню.

До 1845 года старообрядцы нашей мѣстности исправляли сами многія духовныя требы, съ нѣкоторыми другими, наприм. браками, обращались въ Тулу къ старообрядческому указному попу Павлу, почему и считались по тульской вѣрѣ. Но въ 1845 году въ нашей мѣстности появилась новая вѣра лужковская (получившая названіе отъ посада Лужки, стародуб. уѣзда). Лужковцы отдѣлились отъ обществъ московскаго и тульскаго за то, что тѣ общества приняли метрики, имѣли поповъ указныхъ и подписались вновь приходящихъ отъ церкви не принимать. Лужковцы учили, что съ церковными не должно не только молиться Богу, но даже пить и ѣсть. Такая строгость лужковцевъ была мнѣ по сердцу: я готовъ былъ перейти изъ тульскаго въ лужковское согласіе. Но я всегда держался правила: прежде чѣмъ рѣшиться на какое-либо важное дѣло, посовѣтоваться о томъ съ умнымъ и болѣе меня опытнымъ человѣкомъ. Сыскалъ я себѣ въ Полотняномъ же Заводѣ новаго наставника, А. И. Каменьщикова. Съ нимъ вмѣстѣ стали мы испытывать о лужковской вѣрѣ; а чтобы получше все узнать, я отправился, по совѣту Каменьщикова, въ самые Лужки, отстоящіе отъ насъ на 380 верстъ. Тамъ я познакомился съ людьми значительными въ старообрядчествѣ: Семеномъ Онисимовымъ и Егоромъ Михайловымъ Бажановымъ, которые и склонили меня на свою сторону. Тамошній попъ исповѣдалъ меня и причастилъ, и домой далъ запасныхъ даровъ, чтобъ я причащалъ больныхъ по «чину скитскаго покаянія». Такимъ образомъ я вернулся домой уже переправленнымъ въ лужковскую вѣру.¹⁾ Скоро явились у насъ и наставники изъ

¹⁾ Когда мнѣ случалось отправляться въ путь, то я, по заповѣди лужковскихъ наставниковъ, бралъ съ собою кувшинъ, стаканъ и даже икону въ мѣшечкѣ; для молитвы ставилъ оную на окно, а по молитвѣ опять влалъ въ мѣшокъ.

лужковцевъ. Въ 1848 году открылось въ нашемъ мѣстѣ моровое повѣтріе. Кто-то пустилъ молву, что только старообрядцы лужковской вѣры спасутся отъ этой смерти, а остальные всѣ помрутъ. Эта лукавая выдумка была причиною того, что всѣ почти старообрядцы нашей мѣстности тульскую вѣру перемѣнили на лужковскую. Даже многіе православные, по слѣпотѣ своей и неразумію, перешли въ лужковскую вѣру, и расколъ въ нашемъ мѣстѣ съ сего времени сильно увеличился. Наставники исправляли всѣ почти духовныя требы, кромѣ брака, для совершенія коего стали уже обращаться въ Лужки; оттуда же получались и запасные дары для причащенія.

И Каменьщиковъ, мой наставникъ, присталъ къ лужковскому согласію. даже сдѣланъ былъ уставщикомъ въ сосѣдней съ нашею деревнѣхъ Дворцахъ (куда старообрядцы изъ окрестностей больше собирались на молитву). Но такъ какъ онъ повѣнчанъ былъ въ православной церкви, то попечители часовни присудили ему отправиться къ попу въ Лужки, чтобы тамъ онъ переправился и перевѣнчался. Каменьщиковъ согласился на это, пригласилъ меня съ собою, и мы отправились. Это путешествіе наше кончилось тѣмъ, что Каменьщиковъ не только тамъ не перевѣнчался, но даже совсѣмъ отказался отъ лужковской вѣры, такъ какъ лужковцы хотѣли, прежде перевѣнчанія, помазать его еще своимъ мѣромъ, по той причинѣ, что онъ, бывши старообрядцемъ, повѣнчался въ православной церкви. На это Каменьщиковъ не согласился. Долго у него шло преципрательство съ лужковскими наставниками, которые утверждали, что въ Россіи царствуетъ антихристъ. Каменьщиковъ опровергалъ это.

Когда попечители наши узнали, что Каменьщиковъ лужковцамъ не покорился, то отказали ему въ должности уставщика. И сталъ онъ ни тульской вѣры, ни лужковской. Я спросилъ его, въ какой онъ вѣрѣ теперь будетъ? и ужъ не

думаетъ ли идти въ великороссійскую церковь? «А что,—отвѣчалъ онъ,—не въ великороссійской ли церкви и въ самомъ дѣлѣ находится истинная вѣра? мнѣ это часто приходитъ на разумъ, потому что, какую книгу ни возьми, все говоритъ, что церкви и епископамъ подобаетъ быти до скончанія вѣка». Такими о церкви великороссійской понятіями Каменьщиковъ возбудилъ во мнѣ большее сомнѣніе, такъ что я совсѣмъ отказался считать его своимъ наставникомъ.

Въ 1850 году старообрядцы нашей д. Фролова и ближайшихъ селеній избрали себѣ въ уставщики д. Пятовска крест. Ник. Куз. по прозванію Гороха. Этотъ уставщикъ, когда провѣдалъ, что въ Москвѣ и Лужкахъ явились архіереи австрійскаго поставленія, то сталъ просить меня и другихъ, похлопотать у тѣхъ архіереевъ о поставленіи его въ священники. «Тогда, — говорилъ онъ, — наше дѣло будетъ правѣе, а теперь за что ни возмусь, — исповѣдывать ли, причащать ли, — такъ руки у меня и трясутся; потому что это дѣло не наше простецкое, а поповское». Подумали — погадали мы, и отправили Гороха въ Лужки для поставленія въ попы къ тамошнему новозыбковскому епископу Конону. Но онъ возвратился оттолѣ ни съ чѣмъ, потому что Кононъ былъ въ то время за границей. Тогда Горохъ сталъ убѣдительно просить меня ѣхать съ нимъ въ Москву для поставленія его въ попы, и даже говорилъ, что въ противномъ случаѣ онъ не станетъ никого ни исповѣдывать, ни причащать, и уставщикомъ не будетъ. Нечего дѣлать, — поѣхалъ я съ нимъ въ Москву. Тамъ мы остановились у Дмитрія Крынина.¹⁾ Крынинъ похотайствовалъ за насъ у владимірскаго архіепископа Антонія (Шутова). Антоній за одной обѣдней поставилъ Гороха въ

¹⁾ Дм. Крынинъ въ 1852 г. поставленъ въ попы Антоніемъ (Шутовымъ), а въ 1864 г., познавъ заблужденіе старообрядчества, присоединился къ правосл. церкви (Дух. Бес. 1865 г. №№ 38, 39 и 40).

иподіаконы, діаконы и попы. Такъ явился у насъ и попъ; я находился при немъ за уставщика.

Казалось, намъ слѣдовало совершенно упокоиться. Но очень смутили насъ распоряженія, данныя нашему попу Антоніемъ. Антоній строго запретилъ ему на литургіи приносить просфору за царя, между тѣмъ какъ уставъ повелѣваетъ просфору за царя приносить неотложно. Этимъ мы очень смущались ¹⁾

Въ Октябрѣ 1856 года ко мнѣ заѣхалъ по указанію моихъ лужковскихъ знакомыхъ новозыбковскій старообрядческій епископъ Кононъ, проѣзжавшій въ Москву. Я очень радъ былъ такому гостю, и упросилъ его, на обратномъ пути изъ Москвы, опять побывать у насъ, чтобы освятить нашу складную парчевую церковь. Онъ доставилъ намъ это удовольствіе; ²⁾ но вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ насъ и въ большое недоумѣніе, ибо онъ подтвердилъ нашему попу за царя просфоры не полагать. Когда мы ему говорили, что уставъ повелѣваетъ просфору за царя приносить, то Кононъ отвѣчалъ: «Правда; да теперь время-то антихристово,—антихристъ царствуетъ на землѣ духовно: поэтому и не слѣдуетъ за царя частицу изъ просфоры вынимать». Тогда то я первый разъ съ сомнѣніемъ

¹⁾ Кромѣ того Антоній далъ попу Гороху книжицу: *Чинъ пріятія отъ ересей приходящихъ*. Въ этой книжкѣ, между прочимъ, повелѣвается Аввакума, Лазаря, Никиту и проч. признавать и почитать свят. страстотерпцами и исповѣдниками, на что мы также согласны не были.

²⁾ За неимѣніемъ въ то время въ нашей деревнѣ часовни Кононъ служилъ у меня въ кожевнѣ. Онъ посвятилъ одного крестьянина д. Пятовска Ст. Спиридонова въ стихарь. Но Спиридоновъ скоро оставилъ свой стихарь и не облачается въ него. При служеніи Конону подано было старинное Евангеліе, по въ новомъ окладѣ, сдѣланномъ православнымъ мастеромъ; по угламъ сего Евангелія, на крышкѣ, были изображенія евангелистовъ съ тѣми сумполическими животными и въ томъ порядкѣ, въ какомъ приято изображать у православныхъ. Кононъ замѣтилъ, что животныя не по старинному порядку изображены при евангелистахъ; почему и счелъ нужнымъ глаза этихъ животныхъ залѣпить воскомъ.

подумалъ объ этихъ пастыряхъ австрійскихъ; но обратиться къ истиннымъ пастырямъ церкви Христовой у меня еще и въ мысли тогда не было.

Горохъ поповствовалъ у насъ два года и 7 мѣсяцевъ. Многіе старообрядцы изъ окрестныхъ деревень и даже издалека, оставивъ лужковскихъ поповъ, стали обращаться къ нему за требами. Въ короткое время своего поповства вмѣстѣ со мною, какъ своимъ уставщикомъ и попечителемъ, онъ очень многихъ обратилъ изъ православія въ расколъ. Антоніевыхъ распоряженій онъ не припаялъ въ резонъ: просфору за царя полагалъ и *Чинъ пріятія отъ ересей приходящихъ* не употреблялъ. Сначала велъ себя нашъ попъ довольно прилично; но потомъ началъ сильно пить водку, такъ что напивался до потери разсудка. Поѣхалъ онъ, по приглашенію, въ стародубскія слободы, и дорогой отъ неумѣреннаго употребленія водки скоропостижно умеръ. Таракановскій (медын. уѣзда) попъ Василій, тоже австрійскаго поставленія, совершилъ надъ нимъ священническое погребеніе.

По смерти попа Гороха наши старообрядцы стали обращаться съ требами ко мнѣ: «ты, — говорили они, — жилъ при попѣ, все дѣло знаешь; у тебя остались запасные дары: поэтому тебѣ и слѣдуетъ за попа исправлять дѣло». Я поставленъ былъ въ большое затрудненіе: взяться за поповское дѣло — страшно, потому что въ большомъ Потребникѣ написано: восхищающія не дарованная горша самыхъ бѣсовъ осудятся; отказаться отъ исправленія требъ, — стануть умирать безъ крещенія и покаянія: кто тогда будетъ за таковыхъ Богу отвѣчать? Къ тому же у насъ между старообрядцами сплошь и рядомъ простецы исполняютъ священническія дѣла. Рѣшился и я править поповскими дѣлами: крестить, исповѣдывать, причащать, и отпѣвать по уставу лужковскаго чиноположенія. Между тѣмъ старался я цоскорѣе найти кого-либо въ попы, чтобы

сложить съ себя всѣ эти дѣла, которыми по совѣсти не могъ не тяготиться. Долго никто не соглашался идти въ попы, боясь преслѣдованій со стороны начальства. Наконецъ нашелся одинъ старикъ, хотя и очень малограмотный (бывшій деревенскій пастухъ), но однако съ большою охотой изъявившій желаніе посвятиться въ попы. Въ декабрѣ 1858 года я съ нимъ отправился въ Москву къ Антонію. Антонія въ то время въ Москвѣ не было, и я обратился къ Пафнутію, бывшему тогда епископомъ коломенскимъ. Пафнутій, видя малоспособность старика, вмѣсто него предлагалъ священство мнѣ самому; но я отвѣтилъ, что не желаю быть попомъ и даже страшусь столь важнаго и труднаго званія. Тогда Пафнутій согласился поставить старика во священноинока, потому что былъ онъ вдовый; а мнѣ все-таки велѣлъ со временемъ привести когонибудь лучше для поставленія въ попы. И такъ посвятили наши въ попы старого пастуха и началъ онъ поповствовать у насъ; а я служилъ при немъ за уставщика. Много было мнѣ трудовъ около этого попа, потому что былъ онъ совсѣмъ почти безграмотный и къ тому же безтолковый человекъ¹⁾.

Въ 1860 году отправился я въ Лужки къ знакомому мнѣ наставнику Ѳаддею Іудичу. Я рассказалъ ему, въ чемъ, по нашему мнѣнію, поступаютъ незаконно новые епископы — Антоній и Кононъ. Ѳаддей Іудичъ предложилъ мнѣ посоветоваться объ этомъ съ Иларіономъ Егоровичемъ, который былъ близко ему знакомъ и жилъ въ Полосѣ въ Предтечевомъ монастырѣ (близъ посада Клинцовъ). Я весьма былъ радъ это-

¹⁾ По этимъ причинамъ Пафнутій, поставивши сего попа, запретилъ ему совершать литургію. Годъ черезъ два послѣ сего случилось мнѣ съ этимъ попомъ быть въ Москвѣ. Попъ обратился тогда къ Антонію съ просьбою: дозволить ему совершать литургію Антоній, безъ испытанія попа, далъ ему на это разрѣшеніе, поручивъ, впрочемъ, мнѣ наблюдать за нимъ при совершеніи имъ литургій. Вотъ тутъ-то мнѣ особенно много было трудовъ около этого попа!

му предложенію потому что давно уже слышалъ объ Иларіонѣ Егоровичѣ, какъ великомъ начетчикѣ и строгомъ подвижникѣ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Отправились мы съ Ѡадеемъ Іудичемъ въ Полосу; пробыли у Иларіона Егоровича три дня, и про многое съ нимъ бесѣдовали: какъ Антоній возбраняетъ за царя изъ просфоры частицу вынимать, и какія распро-страняетъ чинспріемныя книжки, по которымъ строго требуетъ принимать отъ великороссійской церкви приходящихъ. Иларіонъ Егоровичъ распоряженія епископскія призналъ неправильными и сказалъ объ Антоніѣ и прочихъ епископахъ: «они только золотыя шапки на себя надѣли, а дѣло править не знаютъ; я давно слышалъ объ ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ и написалъ на этотъ предметъ книгу листовъ въ триста; еще добавимъ кое-что и тогда въ Москву поѣдемъ» Онъ еще спросилъ насъ, согласны ли мы стоять съ нимъ за-одно, если онъ будетъ опровергать незаконныя распоряженія епископовъ. Мы изъявили согласіе. При прощаніи Иларіонъ Егоровичъ сказалъ намъ, между прочимъ: «если судить по чистой совѣсти о церкви великороссійской, то намъ незачто больше обвинять ее, какъ развѣ только заодно перстосложеніе»... Эти слова тогда же глубоко запали въ мою душу.

Въ 1861 году по просьбѣ нашихъ старообрядцевъ я свозилъ въ Москву еще одного крестьянина для поставленія къ намъ въ попы. Антоній и этому попу сталъ приказывать, чтобы царя на проскомидіи не поминалъ. Новопоставленный попъ, по моему совѣту, рѣшительно отказался исполнять это его приказаніе, и Антоній по сему случаю тогда же запретилъ ему священнослуженіе. Я обратился къ другимъ старообрядческимъ бывшимъ тогда въ Москвѣ епископамъ: Пафнутію коломенскому, Пафнутію казанскому и Варлааму балтскому,—просилъ ихъ разсудить объ этомъ распоряженіи Антонія. Они крѣпко осуждали Антонія какъ нарушителя свято-отеческихъ

уставовъ; говорили ему это въ глаза, но уврачевать его не могли. Впрочемъ, по ихъ настоянію, Антоній разрѣшилъ нашего попа,—сказалъ ему: «ну, служи какъ знаешь!»

Въ началѣ 1862 года Иларіонъ Егорычъ вызванъ былъ Антоніемъ и другими лицами въ Москву для обсужденія старообрядческихъ дѣлъ. На пути въ Москву онъ заѣхалъ ко мнѣ. Съ нимъ были Ѳаддей Іудинъ и Семенъ Онисимовъ лужковскіе. Иларіонъ упросилъ и меня ѣхать съ ними. По прибытіи въ Москву, мы явились въ собраніе епископовъ. Тамъ были: Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, состоявшій тогда предсѣдателемъ московскаго духовнаго совѣта, Пафнутій казанскій и Варлаамъ балтскій; при нихъ находились: Петръ Ѳедоровъ (московскій попъ и членъ совѣта), Семенъ Семеновъ (большой начетникъ, имѣвшій сильное вліяніе на дѣла въ духовномъ совѣтѣ) и нѣкоторые другіе. Антонія владимірскаго не было; онъ явился послѣ. Иларіонъ Егорычъ сталъ настойчиво предлагать епископамъ и даже со слезами умолять ихъ, чтобы уничтожили богохульныя книжки, происшедшія отъ безпоповцевъ, дабы христіане не руководствовались ими, и для сего просилъ издать окружное посланіе. Епископы и Семенъ Семеновъ сначала не соглашались на предложеніе Иларіона. Тогда я вызвалъ въ другую комнату Семена Семенова и просилъ его поддержать Иларіоново предложеніе: «а то,—сказалъ я,—если не уважатъ Иларіона Егорыча, будетъ худо». Кончилось тѣмъ, что Иларіону позволили составить окружное посланіе. Онъ написалъ. Прежде всѣхъ подписалъ окружное посланіе Онуфрій; за нимъ подписали: Пафнутій казанскій и Варлаамъ балтскій. Антоній долго не подписывалъ. Стыдно сказать, сколько Иларіонъ Егоровъ, я, Ѳаддей Іудинъ и Семенъ Онисимовъ отвѣсили ему земныхъ поклоновъ; мало того, что кланялись,—поклонимся, да и лежимъ, прося его, какъ бы какой для себя милости, чтобы подписалъ окружное посланіе.